

ступая къ работѣ надъ темой, столь, повидимому, чуждой обычному настроенію, въ какомъ онъ находился, когда свои мысли и чувства доверялъ какому-нибудь герою. Въ „Пѣснѣ“ Лермонтовъ хотѣлъ даже обойтись совсѣмъ безъ героя, и всѣ три главныхъ дѣйствующихъ лица „Пѣсни“ и царь Иванъ Васильевичъ, опричникъ Кирибѣевичъ и купецъ Калашниковъ имѣютъ одинаковыя права на первенство. Герои исчезли, остались равнозначущія силы, которыя всѣ подчинены иной, надъ ними стоящей силѣ, высшей, неназванной, безличной и, повидимому, аморальной, стоящей выше всякаго нравственного суда.

Давно уже въ этой „Пѣснѣ“ хотѣли видѣть указаніе на силу рока, который виситъ надъ людьми, даже надъ самыми сильными людьми, который подчиняетъ себѣ личное начало и требуетъ отъ людей смиренія, признанія, но не суда или отщипки. Полюбилъ Кирибѣевичъ всей силой страсти Алену Дмитриевну; не могъ устоять передъ искушеніемъ и, любя, оскорбилъ ее, но не настолько, чтобы это оскорбленіе отняло у нея счастье и доброе имя; и онъ погибъ, заплативъ жизнью за порывъ правдиваго чувства. Наказаніе, превышающее вину во много разъ. Вступился купецъ Калашниковъ за жену, въ честномъ бою одолѣлъ обидчика и былъ казненъ позорной, лютой казнью. Наказаніе, которое онъ понесъ, есть высшая несправедливость. Наложилъ на него это наказаніе грозный царь. Царь зналъ о любви опричника, и онъ не оставилъ его, даже раздодорилъ; царь зналъ, за что купецъ убилъ его слугу, и видѣлъ, что онъ убилъ его въ бою честно; и царь нарушилъ законъ правды, законъ справедливости человѣческой и произнесъ свой жестокой судъ. Зачѣмъ погибли два сильныхъ человѣка незаслуженной смертью и зачѣмъ человѣкъ, призванный судить людей по правдѣ, изрекъ судъ столь несправедливый?

Кто дастъ на это отвѣтъ? Такъ случилось, такъ того захотѣла судьба. Людямъ разрѣшено на нее жаловаться и въ сердцѣ своемъ они могутъ отнестись съ любовью и со

страданьемъ къ потерпѣвшимъ²⁴, но измѣнить они ничего не могутъ.

И поэтъ смирился передъ жизнью, — не желавши отвѣчать на запросы его нравственного чувства — и ни единымъ словомъ личного сужденія, ни единымъ возгласомъ возмущенія или протеста не нарушилъ эпического спокойствія грустной „Пѣсни“. „Да будетъ Воля Твоя“ — какъ будто шептала онъ...

XIII.

Рѣзкихъ словъ нѣтъ и въ исповѣди Мцири, которому Лермонтовъ доверилъ думы и чувства послѣднихъ лѣтъ своей жизни.

Герой поэмы — юноша. Вольный горецъ, онъ ребенкомъ былъ взятъ въ плѣнъ и отданъ на воспитаніе монахамъ. Вдали отъ своихъ выросъ онъ въ чуждой ему обстановкѣ, ничего не говорившей его сердцу. Отца и матери онъ не зналъ, хотя душой чувствовалъ святость этихъ именъ. Единственнымъ утѣшеніемъ его жизни были смутныя воспоминанія о прежнихъ годахъ любви и свободы, которая окружала его дѣтство среди родной ему природы. Контрастъ этихъ воспоминаній со скучной и замкнутой монастырской жизнью оставался для него неразрѣшимымъ противорѣчьемъ, кругомъ, въ которомъ должны были вращаться его мысли и чувства. Онъ былъ одинокъ, и одиночество свое пытался скрашивать мечтой, неопредѣленной мечтой, которая влекла его куда-то въ даль, сулила ему въ будущемъ славу подвиговъ, прославившихъ жизнь его предковъ, и обѣщала ему въ награду любовь, еще неизвѣданную имъ въ жизни.

Кто не узнаетъ въ этомъ Мцири самого автора? За исключеніемъ монастырской жизни, которая обрисована въ поэмѣ слишкомъ мрачными красками, не соответствовавшими той обстановкѣ, въ которой жилъ поэтъ, — все остальное взято прямо изъ личныхъ воспоминаній: одинокое дѣт-

ство, мечтательность, жажда великихъ подвиговъ и тоска по любви и свободѣ.

Юноша не выдержалъ и убѣжалъ изъ монастыря на свободу, безъ опредѣленной цѣли, руководимый однимъ желаніемъ вырваться изъ темницы:

Я зналъ одной лишь думы власти,
Одну — но пламенную страсть:
Она какъ червь во мнѣ жила,
Нагрызла душу и сожгла,
Она мечты мои знала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ причуты скалы,
Гдѣ люди вольны какъ орлы:
И эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской.

Три дня, проведенные на свободѣ, стали для Мцири цѣлою жизнью. Скитаясь среди пустынной природы какъ дикарь, онъ упивался чувствомъ безграничной свободы:

Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ? Жить — и жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была-бъ печальнѣй и мрачнѣй
Бесильной старости твоей.
Даннымъ давно задумать я
Взглянуть на дальнія поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли или тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы —
И въ часъ ночной, въ ужасный часъ,
Когда гроза пугала насъ,
Когда столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣжалъ. О! я какъ братъ
Обнялся съ бурей былъ бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взаимѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?

Никогда въ монастырѣ онъ не былъ такъ религиозно настроенъ, какъ среди дикой природы.

Упоеніе природой переполнило его сердце и онъ до самозабвенія наслаждался ея величіемъ. Природа имъ будто знала, что узникъ обреченъ на скорую смерть и потому не поскупилась для него своими красотою и лаской.

Здѣсь, въ царствѣ свободы, юноша встрѣтился съ молодой грузинкой, которая мелькнула передъ нимъ, какъ небесное видѣніе, какъ поэтический обликъ желанной, но недомой любви.

Вдругъ голосъ — легкий шумъ шаговъ...
Мгновенно скрывшись межъ кустовъ.
Невольнымъ трепетомъ объявъ,
И поднявъ боязливый взглядъ:
И жадно вслушиваться сталъ:
И ближе, ближе все звучалъ
Грузинскій голосъ молодой,
Такъ безыскусственно живой,
Такъ сладко вольный, будто онъ
Лишь звуки дружескихъ именъ
Проносить былъ приученъ.
Простая пѣсня то была,
Но въ мысль она мнѣ залегла,
И мнѣ, лишь сумракъ настаесть,
Незрѣмый духъ ее поетъ.

Сонъ освѣжилъ силы странника и онъ всталъ, чтобы продолжать свой путь къ родному краю, забывъ, что теперь для этого края онъ сталъ человѣкомъ совсѣмъ чуждымъ.

Мцири надѣялся стойко преодолѣть всѣ препятствія, какія легли между нимъ и желанной родиной.

Сцена борьбы съ барсомъ — одна изъ лучшихъ сценъ поэмы. Человѣкъ вступаетъ въ отчаянную борьбу съ вольнымъ сыномъ природы. И барсъ, и Мцири — родные по крови и враги случайные. Они одной любовью любятъ свой край и свою свободу. Но случай столкнулъ ихъ, и борьба между ними завязалась. Не такой ли случай заставилъ Лермонтова сражаться съ сынами горъ и свободы? Какъ поэтъ отдалъ

справедливость своимъ врагамъ, такъ и Мцири описываетъ смерть барса съ чувствомъ побѣдителя, отдающего должное отвагѣ своего противника.

Мцири вернулся вновь къ своей темницѣ, пробуждавъ напрасно въ горахъ и не найдя дороги къ обѣтованному краю:

И странно было мнѣ. Понять
Не могъ я долго, что опять
Вернулся я къ тюрьмѣ моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замыселъ ласкалъ,
Терпѣлъ, томился и страдалъ,
И все зачѣмъ? Чтوبъ изъ цѣвѣтъ лѣтъ,
Едва взглянувъ на Божій свѣтъ,
При звучномъ ропотѣ дубравъ
Блаженство волиности познать,
Унести въ могилу за собой
Тоску по родинѣ святой,
Надеждъ обманутыхъ укоръ.
И нашей жалости позоръ!

Все, что ему дала эта отчаянная попытка вырваться на волю, было: трехдневная жизнь съ природой, сонъ любви и случайный геройскій подвигъ—убійство невиннаго звѣря.

Не то ли же самое дала и Лермонтову его кочевая жизнь на Кавказѣ?

Мы знаемъ, что даже предчувствіе смерти, которое такъ поэтически описано въ послѣднемъ снѣ Мцири, оправдалось.

Все въ этой поэмѣ пропитано личнымъ чувствомъ, не исключая и мирнаго финала, въ которомъ такъ много религиознаго смиренія.

Мцири—герой очень мирно настроенный, хоть онъ и въ родствѣ съ демоническими натурами. Пусть онъ не желалъ людской помощи, и былъ чужой для людей, но „людямъ онъ не дѣлать зла“ и умеръ „рабомъ и сиротой“, безъ проклятія, и съ вѣрой въ Бога:

Прощай, отецъ... дай руку мнѣ:
Ты чувствуешь, мовъ въ огнѣ...

Знай, этотъ пламень, съ лонныхъ дней
Тался, жилъ въ груди моей;
Но нынѣ нищи нѣтъ ему,
И онъ прожестъ свою тюрьму
И возвратится онъ къ Тому,
Кто всѣмъ законной чередой
Даетъ страданье и покой...

Но что мнѣ въ томъ? Пускай въ рай,
Въ святомъ, заоблачномъ краю,
Мой духъ найдетъ себя пріютъ...
Уны! за нѣсколько минутъ
Между крутыхъ и темныхъ скалъ,
Гдѣ я въ ребячествѣ игралъ,
Я-бъ рай и вѣчность промѣнялъ!

«Когда я стану умирать,
И, вѣры, тебѣ не долго ждать —
Ты перенеси меня вели
Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
Акаціи бѣлыхъ два куста...
Трава межъ ними такъ густа,
И свѣжій воздухъ такъ душистъ,
И такъ прозрачно золотистъ
Играющій на солнцѣ листъ!
Тамъ положитъ вели меня.
Силнѣмъ голубого дня
Улыбну я въ послѣдній разъ.
Оттуда видень и Кавказъ!
Быть можетъ, онъ съ своихъ высотъ
Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ.
Пришлетъ съ прохладнымъ вѣтеркомъ...
И близъ меня передъ концомъ
Родной опять радается звуку!
И стану думать я, что другъ
Налъ братъ, склонившись надо мной,
Отеръ внимательно рукой
Съ лица кончины хладный потъ,
И что вполголоса поетъ,
Онъ мнѣ про милую страну...
И съ этой мыслью я засну,
И никого не проклянну!»

XIV.

Подводя окончательный итогъ всей литературной дѣятельности Лермонтова за послѣдній періодъ его жизни, мы